

Михаил Серегин

Если женщина просит

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Если женщина просит / М. Г. Серегин — «Научная книга»,

Ее «мечта» исполнилась – она стала валютной проституткой. Красивая жизнь, о которой Аня знала только понаслышке, превратилась в реальность. Но однажды сутенер подложил ее под нужного человека – зятя известного банкира. Да только этого зятя давно киллер поджидал. И замочил его прямо на Анины глаза. Теперь придется Ане вести собственное расследование и разыскивать убийцу. Ведь все подозревают в убийстве именно ее. А сроку ей отпущено всего два денька, иначе труба...

Содержание

ПРОЛОГ: ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ	5
ГЛАВА 1	14
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Георгиевич Серегин

Если женщина просит

ПРОЛОГ: ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Алешка открыл слипшиеся глаза.

В голове надсадно гудело, перед мысленным взором проплывали посверкивающие желтые пятна с зелеными обводами. Словно в его, Алешкином, несчастном и не бог весть каком толковом мозгу устроилась банда веселых чертиков и теперь куролесила на полную катушку, чиня беспредел.

Алешка поднял голову и увидел над собой в дурнотном серо-буро-малиновом мареве отвратительную харю.

Алешка хотел вскрикнуть, но вместо этого из его глотки вырвался какой-то сиплый вой, и он отполз от хари на некоторое расстояние и попытался понять, что же за наваждение такое его посетило...

Это не заняло много времени. Пахнущее нечистотами и еще чем-то тошнотворным мордастое «наваждение» хрюкнуло, заколыхалось, и на его месте появился здоровенный боров по прозвищу Борис Михалыч, свет очей бабки Евдокии Ивановны, украшение ее старости и протчая, протчая, протчая, как писалось в монарших манифестах.

Алешка приподнялся и встал. Обогнул свирепо хрюкнувшего Борьку, который, вероятно, подумал, что мальчик собрался покуситься на содержимое большого и неопишимо грязного корыта – пиршественного стола борова Бориса.

Да, кстати, из этого-то корыта и исходила та жуткая вонь, что перебивала даже запах Борькиных естественных выбросов, которыми он был густо перемазан.

– Черрт... как это я? – пробормотал Алешка.

Черт не замедлил напомнить.

Оказалось, все было максимально просто: Алешка в кои-то веки пригласил погулять самую красивую девочку в их школе, Аньку Опалеву... куда-нибудь там на речку или вообще. Городок Текстильщик вообще не баловал разнообразием мест, в которых можно было провести досуг культурно и с пользой для себя. Жители относили к таковым местам сельский клуб с ежесубботней дискотеккой, заканчивающейся неизменным мордобоем, пруд Вонючка, а также кафе с на редкость изобретательным названием «Кафе», в котором постоянно тусовался весь бомонд городка с индустриальным названием Текстильщик в лице директора этого кафе, его двоюродного брата, ну, еще председателя догнивающего неподалеку колхоза «Заветы кого-то», а также совершающего набеги алкоголика и дебошира почтальона Савкина.

Ничто из перечисленных выше мест для проведения досуга Алешке не подходило, и он собирался просто пригласить Аньку погулять вечером. Поболтать.

Но так как при одной мысли о том, что он останется наедине с этой четырнадцатилетней насмешницей, чей острый язычок обрезал любые поползновения не одного десятка ретивых ухажеров, у Алешки начинали трястись колени, в голове мутилось, как самогон у деда Митрофаньча, когда сей напиток находился без употребления больше часа – а такое было очень редко, – то друзья предложили Алексею прекрасный выход из положения.

А именно – выпить для храбрости того самого самогона «от Митрофаньча», что не любил простаивать без дела.

Алешка никогда не пил. В его городке пацаны начинали хлестать первач стаканами едва ли не сразу после того, как переставали употреблять материнское молоко, а он, Алешка, странный человек, отказывался.

Уже тогда проявилось в нем эстетское начало, которое попортит ему много крови впоследствии. Несколько лет спустя. И не только ему.

Но вернемся к нашим баранам. Алешка бодро засадил в себя полстакана – на какие жертвы не пойдешь ради любимой девочки? – закашлялся, схватился за горло, которое сжало угрожающей судорогой. Лицо страдальца стало сначала малиновым, потом зеленым, потом мутно-желтым, под цвет только что употребленной жидкости.

Когда эти светофорные мутации завершились, Алешка поднял посоловевшие глаза на взирающих на него с интересом пацанов и произнес:

– Н-ничего... э-э.

– Тогда налей ему еще, Валек! – послышался чей-то голос. – Анька смелых пацанов любит. А то будешь мямлить, так она тебя и отфутболит, как отмазала Юрца Кислого в прошлом месяце.

Это «налей еще» и привело к в высшей степени печальному итогу: Алешка свалился в беспамятстве, а проснулся и того хуже – в свинарнике. Притом с тяжелой, как совокупные грехи собранных в пятиместной камере трех десятков уголовников, головой.

Но хуже всего было то, что он совершенно не ориентировался во времени. Вероятно, он просто «пробил стрелу», как выразились бы по такому поводу его одноклассники. То есть пропустил свидание с Анькой.

А это...

Алешка обогнул борова и выскочил из свинарника. В голове пульсировало и колыхалось что-то жуткое и тошнотворное, ужасно хотелось упасть, прижаться виском к чему-нибудь холодному и так лежать не двигаясь... Но нельзя. Может, еще не поздно!

Он влетел в дом и едва не сбил бабушку, которая выходила из комнаты.

– Ты откуда такой?.. Да чем это от тебя несет? Господи, ты что, в свинарнике валялся, что ли?

«Валялся», – едва не брякнул Алешка, но вовремя сдержался и сказал совсем другое:

– Да не... упал... поскользнулся.

Бабушка сдвинула брови и, решительно шагнув на Алексея, притиснула его к стене:

– Э-э-э... а ну дыхни. Ну-у-у... это что такое, а, Алексей Иваныч?

Алексеем Иванычем бабушка именovala Алешку только тогда, когда была серьезно рассержена. Разгневана, можно сказать.

И сейчас был именно такой случай.

– Ванька, иди-ка взгляни на своего... отпрыска! – рывкнула бабушка. Алешка попытался было улизнуть, краешком сознания лелея спасительную мысль о том, что Анька еще не ушла, что она еще ждет там, у речки, и он успеет, но старуха мертвой хваткой вцепилась в его запястье и дождалась-таки того момента, когда из комнаты вышел отец Алешки, плюгавый рыжеволосый мужичонка в обвисших штанах, с точно такими же понуро обвисшими рыжими неопрятными усами и густо конопатый.

Его маленькие голубовато-водянистые глазки пошарили по монументальному корпусу бабушки и остановились на унылом зеленовато-бледном лице сына.

– Чаво?

– А ничаво! – передразнила его бабушка. – Полюбуйся на своего этого... помет свой. От него самогоном разит, как... от тебя! В четырнадцать лет! Наследничек! Семейка алкашей!

– Самогоном разит? – вяло оживился отец. Вероятно, эту не ахти какую, но тем не менее реакцию вызвало хорошо знакомое словечко «самогоном». – А что нынче за праздник, а, Алексей?

– Да спешу я! – поспешно сказал Алешка и попытался вырваться. Но снова тщетно: недаром бабушка считалась самым физически сильным членом семьи, молодецки колола дрова и таскала воду за своего тщедушного и алкогольно озабоченного сына, отца Алешки.

– Ку-у-уда?! – протянула бабушка. – Нет, ты стой! Стой, когда с тобой старшие... э, ты!!

Бабушка не рассчитала: произнося свою назидательную речь, она чуть приослабила хватку, и внук рывком освободился от захвата Евдокии Ивановны и прошмыгнул в дом.

А там, быстро скинув пропахшую непотребными запахами одежду, лихорадочно переоделся в другие штаны и рубашку и выскочил в окно, чтобы избежать повторной и в высшей степени нежелательной встречи с родственничками.

* * *

Аня стояла на берегу Волги и смотрела под ноги – туда, где в нескольких метрах под ней плескались и били волны в переплетенный толстыми коричневыми корнями деревьев обрыв. Потом ее взгляд невольно задержался на собственных ногах: да, тут было на что посмотреть, на эти туфли, которые так напоминают опорки...

Сколько она просила мать купить ей в городе нормальные туфли, все без толку. Просьбы эти несчастные упирались, как в гранитную стену, как волны вот в этот обрыв, в стандартный ответ: нет денег. Вот получит отец зарплату, тогда... посмотрим.

А что корысти от той зарплаты, если ее по-хорошему на один каблук и хватит.

Впрочем, ладно... нечего об этом думать. Только нервы дергать. Скорее бы кончить эту проклятую школу – и в город. В нормальный, большой город, где есть рестораны, а не кафе «Кафе» с вечно пьяным директором, автомобили, а не механизатор Василий на тракторе и доярка Верка на седьмом месяце от местного мента Елизарова, где, наконец, есть настоящие парни, настоящие, а не гопота типа Юрки Кислового или пьянь вроде почтальона Савкина... не застенчивые мямли, как этот Алешка Каледин.

Хотя Каледин-то еще ничего: симпатичный, вежливый и на дискотеку не тащит. А дискотека – это известное дело. Вон Ленка из параллели уже доходила на эту самую дискотеку: мать в город возила, аборт делать. Соплячке четырнадцатилетней.

И где этот Алешка?

– Анька!

Аня повернулась и увидела Юрку Кислового по прозвищу Кислый, рослого шестнадцатилетнего парня в липовом «адиковском» костюме, в дерматиновых кроссовках и с выражением собственной значительности на круглом прыщавом лице.

Юрка пригладил рукой волосы, хотя приглаживать было особенно нечего – пацан был пострижен под расческу, – и вразвалочку приблизился к Ане. В его руке красовалась еще не открытая бутылка пива «Бавария».

По текстильщицким меркам пить «Баварию» было очень круто.

– Каледина ждешь? – нехорошо осклабился Юрка и зубами открыл пиво. Научился у отца, директора того самого кафе «Кафе».

– А тебе-то чего? – недовольно ответила Аня и отвернулась.

Юрка некоторое время нагло порассматривал ее в упор желтоватыми совиными глазами, а потом сказал:

– Пиво будешь?

– Отстань.

– Ну-ну, – скептически отозвался Кислый и уселся рядом. Аня машинально отодвинулась.

Юрка важно отпил два глотка, а потом придвинулся к девушке и доверительным тоном сообщил:

– Так это ты зря. Зря, в смысле, его ждешь. Он, типа, эта-а-а... не придет. Пацаны сказали. Он тама для храбрости тяпнул бормотухи, которую пацаны у Митрофаньча брали... ну и склеился. Он же полный лох.

– Наоборот, очень даже худой, – попыталась отшутиться Аня, но шутка вышла какая-то... сморщенная, что ли.

Однако Кислый, которому Аня отроду не сказала доброго слова, воспринял эту неудачную шутку как начало заигрывания. И, подумав, что его новые кроссовки, модная прическа, дорогое пиво, стибренное у отца, и масса прочего обаяния, не поименованного в вышеуказанном перечне, сделали свое дело, обнял Аню за плечи одной рукой. Она попыталась было вырваться, но он держал крепко.

– Да хорош тебе, Опалева, – тоном милосердного внушения начал он, – че ты крысишься? Да любая телка из школы со мной ходить не запаadlo бы посчитала. Или ты принца ждешь... типа на белом «мерине»? Ты че, Опалева, на крышу больна стала? Да я тебе говорю, любая телка из нашей школы...

– Я не телка, – ответила Аня и оттолкнула Юрку. На этот раз более удачно: Кислый едва не свалился с обрыва и упустил туда недопитую бутылку пива.

Юрка подпрыгнул, как обжегшийся на молоке дикий кот, и зашипел:

– Ах ты сука! Да ты че ж, бля, творишь, падла? Щас ты мне ртом будешь эту бутылку отрабатывать, шалава!

Аня никогда еще не слышала столько оскорблений в свой адрес. Ни от кого. Самым большим оскорблением в ее адрес было – «проститутка». Это когда она пришла домой со школьного вечера за полночь и мать, ждавшая ее в дверях, выругала ее этим поганым словом. Хотя потом пожалела, увидев укоризненный взгляд мужа, школьного учителя литературы.

И неизвестно, что сделал бы дальше разъяренный Юрка, если бы не появился припозднившийся Алешка Каледин. По всей видимости, он спешил, потому что запыхался, а прядь темных волос прилипла к взмокшему лбу.

Увидев его, Юрка выпятил грудь колесом и мгновенно стал похож на «петуха гамбургского». Так его прозвали за непомерное чванство в школе.

Аня вспомнила это прозвище и засмеялась, хотя ситуация, откровенно говоря, к смеху не располагала. Кислый был настроен агрессивно, а Каледин... Ну, откровенно говоря, боец из Алешки никакой.

Аня тревожно взглянула на шуплые плечи Алешки, его длинную, но тощую фигуру, и ей стало не по себе еще больше: по всей видимости, тот просто испугался, увидев Кислого, известного своей задиристостью и хорошо поставленным ударом с правой.

– Иди, иди сюда, – не предвещавшим ничего хорошего голосом сказал ему Юрка, – тут непонятка наклюнулась. Телка твоя... или не твоя, а к которой ты набиваешься... она у меня «Баварию» это... шарахнула. Сечешь поляну, бля?

– Какую «Баварию»? – заморгав длинными, как у девчонки, темными ресницами, недоуменно спросил Алешка, нерешительно передвигаясь в сторону Юрки. – Команду... футбольную?

– Какую, на хер, команду? – повысив голос, проговорил Юрка и надвинулся на Алексея. – Пиво... пиво «Бавария»! Понял, баррран?

Эти зоологические аналогии вызвали у Алексея нехорошее воспоминание о зависшей над ним свирепой морде бабкиного борова Бориса и неожиданный, неведь откуда взявшийся приступ злобы.

Чего этот Кислый бычится? Надо ему показать, что лысая башка и липовый фирмовый прикид – это еще не аргумент, чтобы тут толкаться и наезжать.

Конечно, Алешка не очень ясно представлял себе значение слова «аргумент», но зато... зато он чувствовал на себе тревожный, выжидающий взгляд темно-синих Аниных глаз, и от этого взгляда светлело в раскалывающейся от боли голове, и теплыми волнами бежали по телу будоражащие предчувствия чего-то значительного, что вот-вот должно произойти в его, Алексея, жизни.

Он подошел к Юрке и неожиданно даже для самого себя ударил Кислого. Ударил так, что тот не удержался на ногах и упал.

– Это за телку и за барана, – сказал Алешка. – Учи зоологию, Кислый. Пойдем отсюда, Аня.

Кислый попытался было подняться, но тут же получил еще удар прямо в челюсть, так что уже больше не поднимался, а лежал в траве и тихо скулил, а на костюм, новый костюм псевдо-«Адидаас», стекала из разбитого рта тонкая струйка крови...

Уходя, Алексей чувствовал на себе его буравящий, ненавидящий взгляд. И понимал, что нажил врага, такого врага, какого у него никогда еще не было.

* * *

– А я не знала, что ты такой сильный.

Алешка и Аня сидели на самой окраине города, у каменной стелы с выбитым на ней названием – Текстильщик, поросшей зеленым мхом и у самого основания густо залепленной пыльным, разлапистым кустарником. Впрочем, окраина – это громко сказано, потому что весь городок представлял собой вот такую пыльную, беспорядочно поросшую топорищившимся кустарником окраину.

Проще говоря, Аня и Алексей сидели у самого выезда из Текстильщика, на берегу пруда, непрезентабельно названного Вонючка. Мимо проходила дорога, но сейчас она была пустынна: мало кто проезжал в такое время через богом забытый городишко в ста километрах от областного центра.

В руках Аня держала большой букет полевых цветов, который на ее глазах нарвал Алешка. Это были первые цветы в жизни Ани.

Сельская идиллия.

Кислый и ему подобные малолетние ловеласы сподобливались разве что на жвачку с ценным вкладышем, иногда – «Сникерс» или «Марс».

Услышав Анину похвалу, Алексей улыбнулся, показывая удивительно красивые и белые зубы, и ответил:

– А я и сам не знал. Я же никогда в жизни никого не ударил. Я вообще в армию не хочу, – непонятно к чему добавил он. – Я хочу быть журналистом. А тут – сразу Кислого вырубил, – снова перескочив с пятого на десятое, закончил Алешка.

– Да он давно наглеет, – отозвалась девочка. – Правильно ты ему врезал.

Алешка повернулся к ней всем телом и с неожиданно таинственными нотками в голосе спросил:

– Аня, а ты никогда не любила смотреть на закат?

Аня насторожилась: ей приходилось слышать подобные вопросы уже не раз, но немедленно за этим вопросом следовало подкупающее своей «новизной» и «оригинальностью» предложение посмотреть на этот закат откуда-нибудь с сеновала, где наличествует мягкий и в высшей степени удобный для женской спины стог сена. Что-то подобное пытался впарить ей и Юрец Кислый, а вопрос о романтических пристрастиях Анны неизменно завершался коронным: «Ну, бля... типа красиво. Вот».

А Каледина, кажется, в самом деле интересовало, любит ли Аня смотреть на закат, а вовсе не особенности ее анатомии, которые предпочтительно разглядывать на сеновале. И желательно – не только разглядывать.

Аня посмотрела на Алешку чуть искоса и ответила:

– Да... бывает. Когда настроение плохое.

– Нервы успокаиваешь? А я вот не могу на него смотреть, – сказал Алешка. – Мне страшно. Вот... И еще – на реку ночью не могу смотреть. Я, когда маленький был, как-то раз пришел ночью на Волгу и лег на берег. В небо глядел. И так страшно стало, что я с места сдвинуться не мог. Меня бабушка забрала. Полночи искала.

Аня засмеялась и сказала:

– Странный ты какой-то, Алешка. Про закат говоришь. Про то, чего боишься. Юрка Кислый уже бы про дискач зачехлял, да про то, как в кафе, где его отец работает, отвисать круто. А ты – закат...

– Наверно, поэтому со мной и сидишь, а не с Кислым! – выпалил Алексей. – А закат... закат – он красивый, как вот... ты.

Никто не мог бы дать лучшего определения Аниной внешности. Потому что ее нельзя было назвать красавицей во всех смыслах этого слова. Нет, она еще только обещала стать красавицей, как нераспустившийся маленький цветок обещает встать вровень с обогревшим его солнцем и источает пленительный, тонкий аромат.

Аня была таким цветком. Точно таким же цветком, как те, что покоились в ее тонких точеных руках. И в глазах каждого, кто мог оценить тонкий аромат этого цветка еще до того, как он распустился, расцвел во всей красе, – в глазах каждого, кто мог это сделать, Аня была красавицей.

И закат... нет, Алексей все-таки был не прав. Да, сравнение было красивым, но... нет, не на закат. Аня была похожа на рассвет. Такой же пленительный, хрупко-хрустальный, обволакивающий каждое деревце, каждый кустик, высвечивающий до дна тихую речную заводь.

– У тебя есть мечта? – Нет, все-таки не умел Алешка разговаривать с девочками. Тот же Кислый с его постоянными «бля» и «типа» дал бы ему сто очков вперед в налаживании контактов.

– Да ну тебя! – досадливо махнула рукой Аня, но потом все-таки ответила: – Есть. Туфли хочю. Новые. «Карло Пазолини». Я в кино такие видела.

Алешка затряс головой:

– Нет, ты не поняла. Не туфли. А такая, чтобы... на всю жизнь мечта.

– Так это и есть на всю жизнь, – прагматично возразила Аня. – Моему папаше, чтобы на такие заработать, нужно всю жизнь своих придурков в школе учить. «Наш дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Учитель! – фыркнула она, и в этой ее реплике выразилось все презрение к дурацкой профессии ее отца: учитель русского языка и литературы в полусельской школе.

Конечно, это не киллер и не путана, обозначаемые такими красивыми и звучными словами высокооплачиваемые, роскошные профессии!

– Нет, ты не поняла... – нудно продолжал Алешка, но тут же был прерван безапелляционным Аниным:

– Да поняла я! Мечта... мечта у меня есть: выбраться отсюда поскорее, сначала в Саратов, потом в Москву. Красиво жить, а не так, как моя мать, у которой все мечты к зарплате сводятся... скорее бы получить.

– А у тебя – не к зарплате? – спросил Алексей. – Туфли и красиво пожить – это ведь тоже к зарплате. Только очень большой. Как... – Он огляделся вокруг, словно ища, с чем же сравнить эту разлюбезную Ане зарплату, но увидел только пруд, замшелую стелу, уплывающее

за горизонт лохматое солнце да пустынную дорогу, по которой ползли расслабленные безветренные сумерки.

И тут...

Из-за двухэтажного дома на повороте, выкрашенного в депрессивно-упадочный грязно-желтый цвет, из-за старых рахитичных тополей, уныло растопыривших ветви, из-за ржавого трупа бетономешалки, торчащей на обочине столько, сколько Алешка себя помнил, – из-за всей этой убогости и обветшалости вылетел сверкающий белый «Мерседес» с тонированными стеклами и, неопишимо красиво вывернув прямо на Алешку и Аню, буквально за пару секунд сожрал расстояние, разделяющее двухэтажку и стелу, возле которой сидели Алексей и Аня с букетом цветов.

За «мерсом» следовал огромный черный джип.

Аня приоткрыла рот: первый раз в Текстильщике появилась такая роскошь.

– «Шестисотый», – выдохнул Алешка.

Но это было только начало.

Поравнявшись с Аней и Алексеем, белый «мерс» притормозил. Аня замерла, Алексей дотянулся оцепеневшей рукой до затылка, вероятно, желая почесать в нем, но не успел.

Дверь «мерса» распахнулась, и оттуда важно выплыл такой ошеломляющий красавец, что Аня невольно приоткрыла рот. Красавец был в элегантнейшем черном костюме, в великолепных стильных туфлях, в белоснежной рубашке. Мужчина был высок и строен, блестящие черные волосы, вероятно, закрепленные гелем, зачесаны назад, на аккуратно выбритом правильном лице сияли большие выразительные темные глаза.

И эти-то глаза остановились на Ане, точнее, на скромном букетике полевых цветов, который был в ее руках.

Вслед за живым воплощением Голливуда из «мерса» выпорхнула дамочка в умопомрачительной кофточке, обтягивающих черных кожаных брюках и та-а-аких туфлях, на та-а-аком каблуке, что Аня просто оцепенела при виде этой красоты.

– Ромик, вот это хочу! – выговорила дамочка, жеманно картавя.

И тоненьким наманикюренным холеным пальчиком указала на букет.

Великолепный Ромик, то есть человек, носивший гордое и звучное имя Роман, только пожал плечами:

– Настя, зачем тебе это? Приедем, я тебе розы куплю, если тебе цветов захотелось.

– Ромик, это!

Прекрасный принц с голливудских холмов повернулся к Ане и произнес:

– Девочка, продай мне этот букет. Вот тебе деньги, купишь на них сто таких букетов.

Аня ошеломленно взмахнула ресницами и уставилась на купюру, которую протягивал ей мужчина.

Это было сто долларов. Сто – долларов!

– А это не... не мой букет, – только и смогла выговорить она. – Это... Алешка мне подарил.

– Алешка? – Роман перевел бархатные глаза на Алексея, на лице которого – неожиданно для самого Алешки – появилось откровенно недоброжелательное выражение. – Держи, Алешка!

И он бросил парню купюру, а потом шагнул к Ане и довольно бесцеремонно взял из ее рук букет и потом с очаровательной улыбкой преподнес своей даме, которая понюхала цветы, расплылась в улыбке, а потом вдруг взяла и швырнула букет.

Прямо под колесо джипа, из дверцы которого выглядывали несколько бритых голов.

Охрана.

– Колючка, – тоном обиженного ребенка проговорила девица и, повернувшись к Алешке, проговорила:

– Что же ты своей девке даришь всякое говно? Там... кактусы какие-то колючие. Дятел!
– Сама ты говно! – пролепетал Алешка, которого буквально накрыло волной этих

«милых, доброжелательных» слов.

Роман, казалось, не расслышал этих слов. Он пожал плечами, поднял глаза на Аню и улыбнулся:

– А ничего тут, в этой глуши, водятся... цветочки! Какая девочка, а, Настя?

– Ничего, – пропела та. – А малец уж больно злой. Да и несет от него какой-то херней... как будто в свинарнике ночует!

Это да еще то, что Роман поднял руку и коснулся подбородка Ани своими холеными пальцами, на одном из которых сияла золотая печатка с бриллиантом, взорвало Алешку. Он сжал кулаки, сказал тихо и злобно:

– Суки! Думаете, если на «мерсе», так все можно? Убери лапу... ты!

Вот теперь Роман расслышал. Медленно повернулся к Алешке и, снисходительно рассмотрев этого паренька в вытертых темных брюках и дешевой хэбэшной рубашке, растрепанного и разозленного, передернул атлетическими плечами и сказал:

– В расход бы тебя, щенка. Да мал еще. Подрасти, братишка.

Хлопнули двери за шикарными экземплярами из той, настоящей, роскошной жизни, и «мерс» сорвался с места, взвихрив облако пыли и растерзав букет, уцелевшие цветки которого веером разлетелись по всей дороге.

* * *

Алешка молча стоял на обочине. В его груди закипала злоба, а в горле колючим, сухим, невыразимым комом ворочалось что-то такое, отчего хотелось упасть лицом в траву и лежать, лежать, пока дорожная пыль не сровняет его с землей...

Аня стояла, опустив руки. Впервые в жизни она была так потрясена. В ее ноздрях еще тлел тот тонкий, чувственный, манящий аромат дорогих духов, который оставил за собой... принц.

Принц на белом «Мерседесе» S-600. Такие Аня видела только в сериалах, где подобные красавцы томно обвивали тонкие талии жеманных белокурых куколок в дорогой одежде и с нестерпимо изысканными манерами.

А там, где к ее подбородку прикоснулись его длинные изящные пальцы, казалось, нестерпимо жгло кожу.

Господи! Какой... какой... какие все-таки бывают! Почему она тут, с этим Алешкой, а не на месте этой кривляющейся грубиянки Насти, в прохладном салоне «Мерседеса» с этим блистательным Романом?

А какая на этой Насте одежда...

Аня опустила глаза и тут увидела...

Бумажка! Он не подобрал сто долларов! Он... он оставил их валяться на дороге, словно какой-то фантик, словно вкладыш от жвачек, которые презентовали ей Юрка и ему подобные... замухрышки!

– Ты как? – спросил Алешка. Как будто не мог спросить ничего глупее. Аня повернулась к нему. В глаза с невиданной до того отчетливостью и безжалостной очевидностью бросились и его потрепанные кеды, и плохо выглаженные «парадные» брюки, и рубашка, и еще детская припухлость лица, и прическа шалашиком... и этот запах, как нарочно... как она сразу не заметила!

Защитник, мать твою! Благодетель! Назвал Романа сукой! Да он... да вся его персона, этого несчастного Алешки Каледина, не стоит и одного пальца... этого принца, которого непо-

нятно каким ветром занесло в их сельскую местность. Того пальца, которым он коснулся ее, Анечки Опалевой, подбородка.

– Дурак ты! – жестко сказала она и, подобрав деньги, решительно пошла по дороге, лишь бы не видеть блаженного придурка и не слышать... даже не вспоминать его бред про закат и мечту всей жизни.

Ничего. По крайней мере одно из этих мечтаний станет явью. Она съездит в областной центр и купит себе новые туфли. «Карло Пазолини».

Алешка не пошел следом. Он понял, каким ничтожеством показался ей в сравнении с шикарным Романом. Сто долларов! Продалась за сто долларов! Да пошла она!

Он хотел выдать по адресу Ани длинное ругательство, припомнив по этому случаю пышные обороты из арсенала Юрки Кислого... но вместо этого изо рта, как липкая слюна, вырвался беспомощный хрип – и Алешка упал на ту самую дорогу, по которой двумя минутами раньше колесо «мерса» раскидало букет, первый подаренный им девушке букет, и зарыдал, чувствуя, как в груди жестоко рвутся доселе не тронутые струны...

* * *

Это было лето девяносто третьего года.

ГЛАВА 1

ПЛАТНАЯ ЛЮБОВЬ КАК СРЕДСТВО ОТ ЖИЗНИ

Ей не хотелось сводить глаз со сверкающего бокала с рубиновым коктейлем, который она держала двумя пальцами за тонкую ножку.

Напиток, до половины наполнявший бокал, испускал длинные искры и точился приятным ароматом, но... но она ненавидела эту холеную руку с золотым браслетом, подарком Дамира, ее собственную руку, и этот дорогой хрустальный бокал с дорогим изысканным коктейлем, так тонко благоухавшим.

Потому что на эту руку и на этот бокал смотрел сидящий через столик молодой круглолицый мужик в дорогом темном пиджаке, из-под которого виднелась расстегнутая на несколько пуговиц светлая рубашка.

Нет, он не просто смотрел – он буквально пожирал глазами и эту точеную руку, и высокую грудь в откровенном вырезе платья, и ее бледное лицо с яркими губами и бархатными темно-синими глазами.

И волосы, черные, как два воронова крыла, обтекающие это лицо.

Анна узнала его. Сколько бы она дала, чтобы он не узнал ее. Нет... встал и направился прямо к ее столику. Присел и, поставив возле Ани бутылку мартини, спросил:

– Не желаете выпить?

– Нет, – ответила и поставила бокал. Будь что будет, может, Дамир и выругает ее, но она отмажет этого... этого старого знакомого.

Мужчина прищурил глаза и спросил:

– Значит, не узнала?

– Узнала, – сказала она, не меняя тона и не поворачивая головы, хотя в груди болезненно ухнуло и упало, словно сорвалось в пропасть, Анино сердце. Он узнал ее!

– Ну тогда привет, Аня. Как поживает твой принц на белом «Мерседесе»?

Она не ответила: принца на белом «Мерседесе» не было и уже не предвиделось. Хотя если приравнять «Мицубиси Паджеро» Дамира к белому «Мерседесу», а самого Дамира – к принцу... с натяжкой, конечно.

– Не стоит делать каменное лицо. Ну точь-в-точь Клеопатра, – вроде бы как добродушно сказал он. – С этой прической и этим тональным кремом ты на нее очень похожа. Или это природная бледность?

Аня продолжала молчать. Потом встала и пошла к стойке бара.

Он попытался было удержать ее за руку, но она вырвалась. Вопреки ее тревожному ожиданию Кислов не последовал за ней.

Бармен Андрон, высоченный парень, внешне представляющий собой помесь Жан-Клода Ван Дамма с лесной гориллой, которую не приняли в зоопарк вследствие аморального поведения, взглянул отсутствующим взглядом поверх Аниной головы и что-то буркнул на ее просьбу позвать Дамира.

Дамир сидел в VIP-апартаментах и пил коньяк с каким-то важным гостем, поэтому Андрон отреагировал на ее повторную просьбу коротким:

– Он велел его не беспокоить.

– Я тебе говорю, нужен! – уже повысила голос Аня. – Ты что, не понимаешь?

– Позвони по сотовому.

– Он мне лично нужен!

Андрон все так же индифферентно пожал широкими плечами и сказал:

– Ну хорошо... только сама с ним потом будешь объясняться, если что...

Аня оглянулась: старый знакомый все так же сидел за ее столиком и спокойно отпивал из бокала, даже не глядя в ее сторону и, вероятно, твердо рассчитывая на то, что никуда она от него не денется, а упрямство... что ж, каждая женщина имеет право поломаться.

До определенного момента, конечно.

Нехорошее чувство заледенело в груди Ани: интуиция подсказала ей, что он появился здесь не просто так. Прийти по чистой случайности, сесть у столика напротив, рассматривать ее своими холодными желтоватыми, как у совы, круглыми глазами с короткими ресницами, а потом подойти и заговорить – уверенно, ровно.

Дамир появился через три минуты. Раздраженный, с желваками на скулах, с металлическим блеском в глазах. Очевидно, разговор с важным гостем, даже подогреваемый дорогим коньяком, не получался.

– Чего? – бросил он, взглянув на часы. – Я же сказал – не беспокоить меня! Ладно... в чем дело?

– Я не могу работать.

– Что? – Его миндалевидные, восточные глаза вглядывались в нее с плохо скрытой досадой. – Не можешь работать? Что за новости? Месячные у тебя вроде бы кончились, да?

Аня покачала головой:

– Ты не понял. Ко мне за столик сел мой старый знакомый. Я с ним в одной школе училась. Редкая сволочь. Я не могу с ним работать. Он убудок.

Дамир пожал плечами:

– Не хочешь – не работай. Найди другого клиента.

– Так он сидит за моим столиком.

– Так пересядь... погоди. Вот этот?

Дамир глянул туда, где сидел столь нежеланный для его путаны человек.

– Да ты что мне тут... бакланишь? – прошипел он. – Это же зять Вайсберга, который сейчас у меня сидит. Быстро иди к нему и делай все, что он тебе скажет! И если он на всю ночь зависнет, то... работай с ним, другие отменяются. Понятно?

Аня широко распахнула свои и без того большие глаза:

– Погоди, Дамир. Вот этот... Юрка Кислов – зять банкира?

– Да. Зять Ледяного... Вайсберга, я же тебе сказал! Быстро... мымррра!

Мымрой он называл Аню только тогда, когда его накрывала волна едкого, нестерпимого, жгущего раздражения, стремительно разрастающегося в откровенную ярость. И Аня поняла: с Дамиром сейчас лучше не спорить.

Ну что ж, это ее крест. Она сама выбрала.

Интересно посмотреть на дочку банкира, которая выбрала себе в мужа этого желтоглазого, недалекого, хамоватого сынка директора текстильщицкого кафе «Кафе». Вайсберг. Вероятно, какая-нибудь жирная усатая еврейка с кривыми волосатыми ногами и непомерным апломбом.

Кислов даже не посмотрел на нее, когда она опустилась на свое место за столиком, только произнес:

– А, вернулась? Ничего хорошего от Дамира Маратовича не услышала? То-то же.

И только тут зять банкира соизволил поднять на нее взгляд, и она увидела в этих до отвращения знакомых круглых глазах сытое презрение и – похоть.

– Восемь лет не виделись, – протянул Кислов. – Восемь лет. Помнишь, когда в последний раз, нет? В Текстильщике, когда ты ждала этого, как его... Каледина. Он меня тогда еще ударил. Удачно.

При этом не самом приятном воспоминании на круглой раскормленной физиономии Юрки появилась холодная усмешка: дескать, я ничего не забыл и ничего не простил.

– А ты потом... куда делся-то? – с трудом выговорила Аня.

– А я переехал. Сюда, в Саратов. Нам тут квартиру... подкинули, – щуря глаза, сказал Кислов. – Отец подсуетился. Между прочим, Ванька, калединский папаша, ментяра ушлый, хоть и алкаш. Мы с Каледиными в одном доме квартиры получили. Папаша-то калединский с моим брался было работать. Да не пошло. А мой – удачно подсуетился... прорвался. Да он и сейчас суетится. Насуетил мне фирму и жену-банкиршу. Ты не смотри, что Вайсберг сейчас в банковском бизнесе: он семь лет назад с моим папашей кафешку в Саратове открывал. Совладельцы были. Потом попер в гору. Хитрый, что ж ты хочешь? Вот такие дела. А ты, Анька, я смотрю, тоже преуспеваешь? Холеная какая стала! Конфетка просто.

Она с трудом перенесла его раздевающий, откровенный взгляд и отчаянно вскинула ресницы:

– Каждый устроился, как карта легла.

– А у тебя карта так легла, что ты и сама легла, – хихикнул Кислов. – Сначала под Дамира, а потом под всех, – выдал сомнительный каламбур Кислов. – Ладно, не парься. Давай лучше выпьем.

– Давай, – выговорила Аня. – Что ты мне крашеную водичку-то подсовываешь? – произнесла она, видя, что Юрка нацеливается налить ей мартини. – Если уж выпить за встречу, то – выпить!

– Водки, что ли?

– Хотя бы.

Юрка развалил толстое лицо в самодовольной усмешке: дескать, что ж, водки так водки. Противно тебе, девочка, со мной в кровати кувыркаться на трезвую голову? Ну что ж, напейся. Мы, дети трактирщиков, то есть директоров точек общепита, не обидчивые...

* * *

Юрка распахнул дверь номера вальжным тычком ноги. Аня к тому времени накачалась водкой до такой степени, что уже почти пересилила отвращение к Кислову. И даже прикосновения его потных ладоней к ее рукам и плечам уже не казались невыносимо гнусными.

– А я так и думал, что когда-нибудь так б-будет, – брякнул Юрка, прямо на пороге пытаюсь стянуть с Ани платье. Это удалось ему только в некоторой степени: с плеча содрался лоскут и остался в потных руках Юрки, а испорченное платье начало медленно сползать вниз, открывая плечи и грудь девушки.

– Не бойсь, – бормотал Юрка, – сломал – почию. За все... за все запла... заплачено. В-выпьем?

– Наливай, – кивнула Аня и сняла платье. Все равно снимать, а так этот болван криво-рукий и вовсе в ключья порвет.

Под платьем оказалось тонкое кружевное белье, которое не столько прикрывало, сколько подчеркивало женские формы. Надо сказать, что с тех пор, как Юрка и Аня виделись в Текстильщике, цветок давно уже успел распуститься: несколько угловатые линии фигуры четырнадцатилетней школьницы давно приобрели ту ласкающую глаз округлость и законченность, ту грациозность, что бьет в нос, как аромат терпкого дорогого вина, лишает разума и осмотрительности и заставляет учащенно дышать.

Фигура Ани стала совершенной.

Юрка засопел и, шмыгая носом, стал расстегивать штаны, что-то бормоча под нос. Аня, которая еще четверть часа назад смотрела на него с плохо скрываемым омерзением, внезапно улыбнулась: нет, этот человек не был страшен, он был смешон.

Из-под сытой маски самодовольного зятя преуспевающего банкира проглянул прежний Юрка – глуповатый и... дешевый сопляк, который, пыхтя от желания и подогреваясь юно-

шеской гиперсексуальностью, шарил шершавыми потными ладонями по ее телу и предлагал смотреть на закат с сеновала.

Тогда она уклонялась от его назойливых рук, не говоря уж про иные конечности, и предлагала ему, коли уж так приспичило, обратить внимание на доярку Верку, которая, несмотря на то что находилась в состоянии перманентной беременности, давала встречному и поперечному, правому и виноватому, кривому и косому.

Теперь же Аня уклоняться не собиралась. Да и не было у нее этой прежней возможности перевести стрелки на ударницу сельского полового фронта Верку-доярку.

И когда Юрка стащил наконец штаны и стянул смешные трусы в цветочек, обнаружив под ними не бог весть какое хозяйство, Аня медленно освободилась от лифчика и трусиков – плавными, хищными движениями, скопированными у моделей «Пентхауза» – и вытянулась на спине через весь траходром, как она именovala это роскошное ложе в апартаментах для интимного общения с особо желанными клиентами.

Юрка похотливо замычал, когда она по-кошачьи выгнула спину, выставив грудь, и заученно-обворожительно улыбнулась красивой неестественной улыбкой. А-ля Джулия Робертс в фильме «Красотка».

Боевой орган г-на Кислова стремительно набирал обороты, переходя в рабочее состояние.

Он промычал что-то, вероятно, предлагая ей перейти на ковер и сделать ему минет, но она поманила его к себе пальцем, выгнув бедро, и он сорвался с места, забыв о предварительном оральном разогреве.

– А-а-а, бля-а...

Его рука скользнула по ее обнаженной груди, короткие влажные пальцы сжали дерзко торчащий сосок, но, несмотря на то что ей не могло быть не больно, Аня засмеялась журчащим звонким смехом и произнесла преувеличенно низким, бархатным голосом:

– Презерватив не забудь натянуть, герой.

– Вот так, хорошо! – пропыхтел он, хватая ее за бедра и переворачивая, а потом грубо – с Ани от боли на мгновение слетела вся наигранная масляная сладострастность, профессиональное качество, так сказать – входя в нее сзади. – Ага! А мы с пацанами спорили, кто из нас тебя первый... трахнет. И я... я... я... выигра-а-ал!

При каждом «я» он совершал сильное, упругое, резкое движение, отчего Аню сильно подавало вперед с угрозой стукнуть головой о стену.

На слове «выиграл» он утробно завопил, а потом крик сполз в скулеж, а вслед за ним сполз и сам Юрка – сполз по Аниной спине, держа девушку за бедра.

– Быстро ты отстрелялся, – иронично произнесла она и, дотянувшись до водки, налила себе и выпила одним глотком. Без закуски, как воду.

Кислый полежал три минуты и снова потянулся к ней, и она вздрогнула, почувствовав на себе прикосновение его дряблого, несмотря на молодость, мокрого волосатого живота.

– Еще! – бухнул он и, встав на колени, снова грубо схватил Аню, на этот раз за шею, и развернул к себе лицом. – Соси... давай! Э-э-э... только зубами не... ага... да-а-а...

Несмотря на то что Кислов стал зятем банкира Вайсберга, он не сменил своего пренебрежительного отношения к элементарным нормам гигиены, которое он показательно демонстрировал еще в Текстильщике, но там хоть уважительная причина была – не было горячей воды. Это Аня почувствовала тотчас же, едва приблизив свое лицо к члену Кислова. От гениталий Юрки несло чем-то протухшим. Весь он кислый, что ли?

Аню едва не стошнило, но снова спасла предусмотрительно выпитая водка. Господи, думала ли она, что встреча с этим уродом, то есть другом детства, будет такой... любвеобильной?

Минетом Юрка забавлялся недолго. Он стащил Аню на пол, к самой двери, а потом взгромоздился на нее всем телом и, пыхтя, как пожилой боров на случке, начал двигаться взад-вперед, грозя расплющить Аню своей потной тушей. Впрочем, вес – это еще ничего: как-то раз Дамир подложил ее под какого-то узкоглазого... кажется, крупного казахского бизнесмена, который имел не только значительный финансовый, но и чудовищный личный, в килограммах, вес. Чуть ли не два центнера.

Помнится, Аня тогда долго отмокала в ванне и посещала массажиста, чтобы снять последствия этого приятного общения.

Кончить второй раз Юрке долго не удавалось. Он пыхтел, кряхтел, бормотал, что много выпил, – одним словом, вел себя не как двадцатичетырехлетний парень, у которого вроде бы все должно быть нормально, а как переваливший через «полтинник» полумпотент, сидящий на «Виагре» и всяких там вытяжках из акульего хряща.

Аня почти заснула, тепля в сознании только одну мысль: когда же эта потная гора жира отвалится от нее, как насосавшаяся крови пиявка? Конечно, она не прекращала постанывать в такт его неуклюжим движениям, как это предписано профессиональными канонами; но, конечно, ничего такого, что могло бы вызвать эти стоны, она не ощущала. Было просто неприятно, и в низу живота уже начинало разгораться жжение – тусклая, рассеянная, но все укрупняющаяся боль.

Аня закрыла глаза и, совсем перестав стонать и двигать бедрами, попыталась погрузиться в полузабытье под волны расслабляющей чувственной музыки из колонок CD-плеера. Да еще уклониться от капель едкого пота, текущих с Юрки и грозящих перерасти в целые потоки.

Ей уже не было противно. Просто устала. Скорее бы он это... скорее бы.

Но вот у Юрки, кажется, пошло на лад. Он запыхтел с удвоенной силой, движения его набрали большую амплитуду, став куда порывистей и резче. Аня застонала и, не открывая глаз, расчетливым движением закинула руки за спину, уставив сосок левой груди прямо в нос Кислову и думая, что, быть может, это подогреет Юрку на долгожданных подступах к честному трудовому оргазму.

Расчет оказался верным: зятька банкира задергало, заколыхало, как блоху на накаленной сковородке, он заверещал и, испустив длинный протяжный вой, выхлестнувшийся в какой-то щенячий визг, вдруг обмяк и расплылся по Ане горячим, потным и соответственно отнюдь не ароматным студнем.

Все.

Аня откинула голову, чувствуя, как его натруженное естество в ней обмякает и становится похожим на выжатую тряпочку.

Слава богу.

Кислый меж тем, кажется, на самом деле перетрудился. Он не шевелился, похоже, он даже затаил дыхание, чтобы успокоиться и прийти в норму.

Аня попыталась оттолкнуть его, но он был слишком тяжел. Впрочем, ей все-таки удалось несколькими движениями вылезти из-под сомлевшего клиента и, подойдя к кровати и взяв сумочку, вынуть из нее сигарету и нервно закурить.

– Ну что, очухался? – спросила она, не поворачивая головы.

Юрка молчал.

Аня наконец-то удосужилась посмотреть на него и...

Сигарета выпала из ее пальцев.

Господи!!!

Кислов все так же лежал на животе, но теперь Аня увидела его с другого ракурса. С ракурса, который беспощадно давал понять: Юрка никогда не очухается после этого сексуального опыта.

Потому что он, этот опыт, оказался последним.

В голове Кислова зияла кровавая рана. Маленькая, совсем маленькая, крови почти не вышло – но ее с лихвой хватило, чтобы через эту дыру вышла и улетучилась душа детского приятеля Ани.

Его застрелили.

Застрелили, наверно, тогда, когда он... когда он кончил и испустил этот финальный стон.

Аня лихорадочно выхватила из сумки сотовый телефон и трясущимися пальцами, с трудом попадая в кнопки, набрала номер Дамира.

– Ну заговори же, заговори, – бормотала она, когда гудок за гудком уходил в пустоту и терялся, не выживая спасительного баритона Дамира на том конце связи.

На десятом гудке он все-таки ответил:

– Да, слушаю!

– Дамир, это я, – быстро заговорила она, боясь, что он перебьет ее гневным окриком. – У меня тут...

– Я же тебе сказал: работай, и никаких порожняковых базаров! – рявкнул он.

– Да ты не... У меня... Дамир... Дамирчик! Кислова тут... убили Кислова! Только это не я... я его не... не убивала! А то подумают, что это я... что... на меня подумают... Дамирчик!

Дамир, уже раскативший было первый звук яростной отповеди, осекся. Помолчал. Потом тихо спросил:

– Что?

– Нет, я развлекаюсь! – с истерическими нотками выкрикнула Аня. – Натрахалась и прикалываю тебя!

– Ты во второй кабинке?

– Да... приходи.

– Сейчас, – коротко сказал он. – Буду через минуту. Ничего не трогай, с места не сходи. Ляг на пол, даже головы не поднимай. Все.

* * *

Дамир вошел в сопровождении своего личного охранника Вадима. Вошел и тут же плотно закрыл за собой дверь.

Его руки были в перчатках: вероятно, не хотел наследить и перекрыть возможные отпечатки пальцев своими.

Войдя, перчатки он снял и положил во внутренний карман пиджака. На Аню даже не взглянул. Она, совершенно голая, скорчилась на полу и смотрела на Дамира широко раскрытыми глазами, в которых был нескрываемый ужас.

Дамир склонился над трупом Кислова и несколько секунд смотрел на его простреленную голову.

– Та-а-ак, – наконец протянул он, – извиняюсь за каламбур, но – кислое дело! Да-а-а! Вот черт! Даже не знаю, что теперь делать.

Он перевел взгляд за Аню, а потом швырнул ей порванное платье, сопроводив это движение словами:

– Прикройся, дура!

– Что же теперь... что же теперь будет, Дамирчик? – пролепетала Аня.

– Что будет, что будет! Да ничего не будет! Ни кредита, который мне обещал Вайсберг, ни того, чтобы замолвить за меня словечко Андронику! Да и... – Тут он осекся, сочтя, что уже и без того сказал слишком много, а потом выключил продолжавшую играть музыку и подошел к Ане, присел перед ней на корточки и отрывисто спросил:

– Как все вышло?

– Я не знаю, – быстро заговорила Аня, кривя губы. – Он был на мне. Вот там, где он сейчас лежит. У него долго не получалось... я чуть не заснула.

– Конечно, весь вечер водку жрала! – яростно рявкнул Дамир, а потом, вероятно, сочтя, что словесного внушения недостаточно, ударил ее раскрытой ладонью по щеке так, что она упала на ковер. – Дура! Мокрощелка, шалава тупоголовая! Вот блядь! Да что же это такое?! Ну, конечно... конечно, на тебя подумают! Ты еще так демонстративно выкобенивалась на весь клуб: дескать, не буду его обслуживать, противен он мне. Сука!

– Дамирчик, – пролепетала Аня, конвульсивно прикрываясь рваным платьем. – Я ничего... никого не... не... спаси меня, Дамирчик!

И она уткнулась в его плечо бледным лицом со вскипающими на глазах слезами ужаса и боли.

Дамир остыл. Вероятно, даже в его не знающую жалости и сострадания душу запало сочувствие к этой переполненной страхом девушке. Конечно, проститутка не человек, даже если это элитная проститутка. Дамир всегда так считал. Но тут... тут и его может зацепить: его девчонка. Его кадр. А банкир Вайсберг – человек влиятельный. Если раскоцегарит дело, можно и не отделаться одним закрытием клуба и полным банкротством.

Так что он, Дамир, с этой безмозглой плачущей сукой – в одной лодке.

Вероятно, так или примерно так он и размышлял про себя. Хотя кто их знает, владельцев ночных клубов, торгующих и распоряжающихся чужими жизнями куда наглее и полновластнее, чем своей собственной!

– Ну ладно, – проговорил он, положив ладонь на голову Ане и чуть шевельнув пальцами, обозначая призыв: успокойся. – Посмотрим... разгребем. Я велел никого из клуба не выпускать и никого не впускать. Давай подробно рассказывай: как все было?

– Да я уже все... все рассказала. Он кончил... я думала, что все, ему больше не захочется. Пошла к кровати. Закурила. А потом посмотрела – а он мертвый валяется. Вот... вот и все. Я сразу тебе позвонила.

Дамир почесал в черноволосой голове.

– Н-да, – протянул он, – история. Ну что же... ты оденься пока, Анька, а ты, Вадик, прикрой этого Кислого простынкой и сходи пока за этим жидом... за Вайсбергом. Будем разбираться.

ГЛАВА 2 ДОГОВОР

Михаил Моисеевич Вайсберг, председатель правления «Орион-банка», одного из крупнейших банков города, недаром носил прозвище Ледяной.

Происхождение этого «прохладного» прозвища проистекало не только из фамилии банкира – Вайсберг, – легко и податливо переделывающейся в Айсберг, что, как известно, переводится как «ледяная гора» да и означает соответственно то же самое.

Михаил Моисеевич и был такой горой. Его ледяная расчетливость, непреклонность и совершенная бесчувственность в области, где, как известно, нет друзей, а есть корреспонденты, стали притчей во языцех. Злые языки многократно коверкали знаменитую песню Пугачевой, применяя ее к банковским и житейским реалиям, по которым, как по нитям и схемам, тянул свою жизнь глава «Орион-банка»: «А ты такой холодный, как Вайсберг в синагоге» или: «А ты такой крысочий, как Вайсберг в депозитарии». Слово «крысочий» восходило к любимому криминальными структурами слову «крысить» (бабки, лавэ, кредит) и соответственно означало человека, зажимающего деньги и во что бы то ни стало не желающего с ними расставаться.

Да и внешне он полностью соответствовал «ледяному»: высокий, лысый, сухощавый, с перевитым жилами морщинистым горлом и длинным, сухим постным лицом, на котором выделялся хищный ястребиный нос. Глаза Вайсберга, холодные, бесцветные, водянистые, ничего не выражали и, казалось, с одинаковой индифферентностью могли смотреть и на пришедшего за кредитом бизнесмена, и на обнаженную девушку, которая вдруг возжелала бы одарить старого черствого еврея своей молодой горячей и, главное, бесплатной любовью. И даже, вероятно, на киллера, который пришел бы в полном соответствии с арифметическими законами уничтожить Михаила Моисеевича, «умножив его на ноль».

Вот и сейчас, уставив невозмутимые рыбы глазки на труп зятя, Вайсберг некоторое время помолчал, а потом спокойно спросил:

– Кто был с ним?

Дамир молча кивнул на Аню, которая уже успела натянуть на себя трусики и платье и теперь придерживала его на голом плече – на том месте, с которого покойный Кислов вырвал лоскут ткани.

Вайсберг сцепил тонкие бескровные губы, провел рукой по лысой голове и произнес:

– Я понимаю, что Юрия застрелила не эта девушка. Иначе бы вы меня сюда не позвали, Дамир Маратович.

– Но, Михал Моисе... – начал было Дамир, но банкир безапелляционно прервал его, даже не повышая своего тихого, спокойного скрипучего голоса:

– Я не люблю, когда прерывают ход моей мысли. Вы еще будете иметь возможность высказаться, господин Сафин. Так вот, по всей видимости, Юрия застрелило какое-то третье лицо, которое проникло сюда в момент контакта моего зятя с этой... дамой.

Даже в экстремальных ситуациях Ледяной был максимально вежлив и сдержан в подборе слов, которыми он выражал ту или иную свою мысль.

И, как выяснится чуть позже, слова банкира были куда как невинны и дипломатичны по сравнению с теми мыслями, которые они выражали.

Вайсберг поправил очки и продолжал:

– Вы правильно поступили, Дамир Маратович, что не стали поднимать шума. Огласка – это не дело в данных обстоятельствах. Надеюсь, вы распорядились, чтобы из клуба никого не выпускали? Под каким-нибудь благовидным предлогом?

– Да.

– Вот и прекрасно. Вы разумно поступили. Рыбка не должна уплыть.

Вайсберг окинул взглядом комнату, в которой был убит его зять, и начал тягучее рассуждение:

– Этот номер был заперт. Но, как я понимаю, опытному специалисту ничего не стоило открыть дверь отмычкой и произвести выстрел. Ведь, если Юрий лежал так, как он лежит сейчас, на животе и ногами к двери, то его затылок находился в трех метрах от этой двери. И представлял собой прекрасную цель для убийцы. Не так ли, Дамир Маратович?

Дамир, которого бросило в пот от этого холодного рассуждения, медленно подводящего их к чему-то жуткому, к какому-то выводу, который перелопатит все течение его жизни и его бизнеса, машинально кивнул.

– Я рад, что вы соглашаетесь со мной, – кивнул Михаил Моисеевич и снова поправил очки. – Теперь, я думаю, вы согласитесь и с тем, что нужно найти убийцу. И сделать это как можно быстрее.

– Вы хотите сказать, Михал Моисеич, что это нужно сделать... мне? – быстро спросил Дамир.

– А вы предпочитаете, чтобы я обратился в прокуратуру, РУБОП и ФСБ? – впервые за все время разговора повысил голос Ледяной. – Или того лучше – к Андронику? Я могу это сделать, но, думаю, это не будет лучшим выходом для вас и этой девочки.

Дамир, похолодев от этого жуткого, режущего голоса, поспешно замотал головой. Аня, которая сидела на краешке «траходрома», боясь шелохнуться и даже глубоко вздохнуть, впервые видела его таким.

– Вот и хорошо, что вы меня понимаете.

С этими словами Вайсберг поднялся и в несколько шагов, сделанных длинными журавлиными ногами, достиг Анны. Она сидела, опустив голову и пытаясь не замечать взгляда его бесцветных рыбьих глаз, которыми он в данный момент буквально буравил ее.

Вайсберг протянул руку и тонкими сухими пальцами, цепко взявшись за Анин подбородок, приподнял его и впился леденящим взглядом в ее влажные темно-синие глаза, на дне которых тускло отражались животный страх и почти физическая боль.

– Красивая девочка, – наконец сказал банкир. – Как тебя зовут?

– А... Аня.

– Аня? Анна, значит. Это красивое имя. Оно означает «благодать» в переводе с древне-еврейского. Ты не знала об этом?

Аня пыталась уклониться от его холодного взгляда, оторвать от него свои глаза, как от вязкого болота, как от гибельной трясины, но не могла. Она даже не могла понять, к чему он говорит ей о ее имени.

Впрочем, она чисто машинально качнула головой в ответ на его вопрос: нет, не знала.

– Значит, теперь будешь знать. Знай и другое: я сочувствую тебе и понимаю, что ты сейчас переживаешь. Но... – Ледяной сделал длинной паузу, по мере истечения которой Аня все отчетливей слышала, как колотится и падает в груди ее сердце, – но и ты должна меня понять. Убит близкий мне человек, муж моей дочери. Единственная, кто может навести на след его убийцы, – это ты. Я и так сделал вам послабление, не обратившись в соответствующие органы... я не хочу подрывать репутацию Дамира Маратовича, репутацию этого, в сущности, неплохого клуба, да и свою тоже: все-таки человек, входящий в мою семью, был убит непосредственно на проститутке. Так? Так.

Аня оцепенело молчала, чувствуя на своем подбородке его холодные пальцы... Только невнятно шевелились губы, словно не в силах подобрать слова, которые могли бы оправдать ее перед этим неумолимым и невозмутимым человеком.

Вайсберг отпустил ее подбородок и договорил:

– Тебе просто не повезло, Анна. Я понимаю, что ты не виновата. Но тебе не повезло, а невезучим в нашей собачьей жизни достается самый тяжелый крест. За такое невезение можно заплатить по самой высокой ставке. Вот так.

Он повернулся к Дамиру и, смерив владельца клуба своим холодным цепким взглядом, вымолвил, чеканя каждое слово:

– Я. Даю. Вам. Двое. Суток. Двое суток, и ни минутой больше.

– А если... – начал было Дамир тоном старичка, который в «Бриллиантовой руке» спрашивал у Нонны Мордюковой, что делать, если жильцы не будут брать лотерейные билеты, но Михаил Моисеевич оборвал его точно так же, как Нонна Викторовна своим безапелляционным «А если не будут брать – отключим газ!»:

– А если не успеете – пеняйте на себя! – И мягко добавил:

– Двое суток – это сорок восемь часов. Вам не имеет смысла тратить это время на совершенно бессмысленные препирательства. Так что в ваших интересах, Дамир Маратович, потопиться. А потом... потом можно возобновить разговор о кредите. Я вас прошу, как человека, с которым мы могли бы хорошо и обоюдовыгодно поработать: решите эту проблему, и все будет прекрасно. В противном случае... Впрочем, не будем об этом: я уверен, что все будет хорошо. Возможно, вы отловите убийцу сейчас же, на месте. К тому есть все показания. Сейчас я распоряжусь, чтобы приехали эксперты-криминалисты из службы безопасности моего банка и произвели все необходимые анализы и экспертизы. Конечно, конфиденциальность гарантируется. Всего наилучшего, Дамир Маратович. Счастливо... Аня.

* * *

После его ухода Дамир упал на «траходром», схватился руками за голову и начал раскачиваться взад-вперед, как от сильной зубной боли.

Телохранитель Вадим, который точно так же, как и Аня, никогда не видел босса в таком состоянии, только моргал глазками, но от выражения своих мыслей и впечатлений вслух воздерживался.

Потом Дамир вскочил, подлетел к окну и выглянул из него, убедился в том, что автокортеж Вайсберга еще здесь, а потом, нахертев махровое замысловатое ругательство, снова бухнулся на кровать-«кингсайз» так, что та застонала и затряслась, и продолжил свои шаманские штучки с раскачиванием.

Изредка сквозь бубнеж и бормотание просачивались вполне членораздельные слова и целые реплики типа «шалава», «ну что за твою мать!» и «жидяра».

Впрочем, Дамиру пришло в голову то, что причитаниями и вырыванием волос из задницы горю не поможешь.

Он поднял голову и бросил на Аню взгляд, весьма далекий от восторженного. А потом процедил сквозь зубы:

– Одного я не могу понять: почему этот гребаный киллер не убрал и тебя? Почему? Ведь так куда проще! Почему он не убил тебя... а, сучка?!

Он подскочил к ей и, схватив за волосы, притянул к своему лицу ее пепельно-серое, оцепеневшее лицо с яркими полуоткрытыми губами, зашипел, скаля острые зубы до самых десен:

– Может, это ты, кошка драная, его и шлепнула? А, мымра? Может, ты и шлепнула? Пришел к тебе богатый дядя, сказал, что ты на своей манде, пусть даже сладенькой и валютной, в рай все равно не выедешь... слил тебе лавэ, а потом сказал, что делать. А? Так оно и было, ты, шмара? Ну признайся! Всем легче будет, и тебе в первую очередь! Если ты... если ты ему ласты склеила, то тебя сразу шлепнут и еще памятник поставят... гранитный. Сам оплачу, да еще поплачу, бля буду!

Аня хотела что-то ответить, но в горле словно застрял и растопырился колючий сухой ком, не давая протолкнуть и словечка.

– Ну, признайся, сука! – продолжал вдохновенно вещать Дамир, прихватывая Аню здоровенной рукой уже за горло. – Признайся, ведь легче будет... мне. А то все равно тебя по наводке Ледяного звери Андроника кубиками нашинкуют, а перед этим всю расковыряют своими шнягами черными. Ну, бля, что ты молчишь?!

Аня уже давно разучилась отвечать на такие выходки Дамира соответствующе.

То есть – гневно и с достоинством.

Три года назад, когда они только начали «работать» вместе, Аня попыталась было высказать Дамиру, что она думает о нем и всем его бизнесе, построенном на удовольствиях одних и крови и боли других. Дамир тогда ничего не сказал. Ушел и вернулся с пятью татарами, своими соотечественниками. Правда, один из них оказался никаким не татаринном, а армянином. Прямо как поется в блатной песне: «четыре татарина и один армян».

– Девушка вспомнила о том, что она тоже человек, – тихо сказал он, не глядя на нее. – У вас есть пять часов, чтобы рассказать ей о том, какой она человек.

О последующем кошмаре ей жутко вспоминать. Он продолжался не пять часов, а только час, а потом пришел Дамир и разогнал компанию недовольных «четырех татар и одного армяна», а когда кто-то заикнулся, что рановато что-то он забирает у них телку, Дамир молча хлестнул фрондеру по зубам и кивком головы показал на дверь.

Но Ане хватило и этого часа. Она поняла свое место. И то, что Дамир после назначенной им самим жестокой экзекуции, этого зверского изнасилования, говорил ей примирительные слова, целовал в щеку, в губы и в грудь и чуть не прослезился, объясняя, что его тоже переломало жизнью и что он хочет только закалить ее, дать понять, по каким волчьим законам живет этот мир, – все это она воспринимала едва ли не с благодарностью. Стыло смотрела расширенными синими глазами на склонившееся над ней его лицо и думала, что ведь он в самом деле хочет ей добра.

...Добра!

Такие рабские мысли означали только одно: гордую и самолюбивую девчонку, мечтавшую в богом забытом Текстильщике о покорении Большого мира, перемололи жернова этого самого Большого.

Вот и теперь – слыша грязные слова, оскорбления и прямой, пересыпанный бранью вопрос о том, не она ли убила Кислового, Аня только пролепетала:

– Я не знаю... я никого не убивала... он сам. Я никого... Я все рассказала. Ты должен... ты должен мне верить. Потому что если не ты... то кто же?

Дамир внезапно остыл. Провел рукой по мокрому лбу и кивнул головой:

– Да, так. Все верно. Ты извини. Я просто сегодня... день такой, сама понимаешь. Ладно. Мы теперь, Анька, ходим с тобой по краю пропасти. И ходить осталось два дня. И две ночи.

Аня машинально потянулась к нему, краем сознания тепля только одну мысль: а ведь никого и не было в этом жестоком, пустынном городе лучше его, Дамира.

Ведь это он нашел, отогрел, накормил. Определил в жизни. Он сильный. А все те, кого она видела в этом городе из тех, кто хотел ей помочь, – слабые. Без денег, без связей. Зачем они ей? Ей, которая твердо решила пробиться в этой жизни и чьи заглушенные, но все еще честолюбивые намерения старательно подогревал Дамир Сафин, владелец ночного клуба «Аттила»?

Дамир взял пиджак Кислового, извлек оттуда бумажник и, вынув деньги, переложил в свой карман.

– Склеить ласты – недостаточно уважительная причина для того, чтобы не платить, – пробормотал он. Потом протянул две купюры Ане и сказал:

– Двойная ставка за... моральный ущерб. А платье он тебе порвал, что ли?

– Ага.

Дамир вынул из бумажника еще несколько купюр, а потом засунул его обратно в Юркин пиджак.

– Вот теперь порядок. Ладно, Аня, иди переоденься, прими надлежащий вид и – работать.

– Работать?

– А ты что думала? – Дамир покосился на Вадима, который застыл у двери в позе дрессированного медведя, и добавил, чуть понизив голос:

– Но работать будешь только с теми, на кого я тебе укажу. Я сам... сам все продумаю, вам, бабам, иначе, чем вашим сладким местом мыслить ничем больше нельзя. Сам покажу пальцем. Не понимаешь, почему?

– Почему?

– Потому что тот киллер еще тут, в клубе. И мы его вычислим. Или ты – ты его вычислишь...

* * *

В большом зале было около двадцати человек. Когда Аня, переодевшись и совершенно приведя себя в порядок так, что и следа не осталось от недавнего смятения и дикого, животного страха, читающегося в каждом жесте и в каждой черточке ее лица, вышла «в свет», стоявший возле стойки бара в сопровождении Вадима, Дамир окинул ее цепким взглядом и одобрительно кивнул.

По всей видимости, Дамир тоже успокоился: охранники клуба, приведенные в полную боевую готовность, докладывали ему о малейшем более или менее подозрительном поведении того или иного клиента.

С момента смерти Кислова – а он так и валялся наверху, в интим-кабинке, прикрытый простыней, как будто ничего и не произошло, – никто не выходил из клуба и не входил в него: двери были закрыты.

Как бонус-меры, были активированы видеокамеры, имеющиеся на входе, встроенные в потолок главного зала и в стены двух VIP-апартаментов.

В одном из них сидел Вайсберг с охранниками.

По лицу этого человека самый опытный физиономист никогда не определил бы, что он только что пережил смерть зятя. Потому что Ледяной нисколько и не переживал. Он сидел рядом с начальником своей охраны, прихлебывал из бокала с таким видом, словно там был кофе или подкрашенная марганцовкой водичка, и равнодушно смотрел на то, как его телохранитель вдохновенно мацает севшую к нему на колени девушку из штата «Аттилы».

Амеба.

Аня подошла к Дамиру.

– Хорошо? – спросила она, показывая глазами на свое новое платье.

– Нормально, – коротко бросил Дамир. – Значит, так...

Но он не успел сказать, что «значит» и что «так»: застрекотал его мобильник.

– Я слушаю. Что? Какой Леня? Ломится? Конечно, не пускать! Понятно. Придержите его там на пару сек. Сейчас пришло... подкрепление.

Закончив разговор, Дамир вскинул глаза на Аню и быстро проговорил:

– Значит, так. Иди к выходу, там ребята тормознули какого-то раздолбая. Деньгами сорит направо-налево. Но это не самое главное. Главное то, что он хочет свалить из клуба. Сильно я сомневаюсь, что это он... Есть у меня одна мыслишка, но... в общем, иди и проверь этого, который на выходе баламутит. Если еще кредитоспособен, то обслужи. Только быстро, как говорится, по экспресс-методу Илоны Давыдовой! Все ясно?

– Да.

– Тогда валяй. Труба зовет!

Злоба и всплески бешеной ярости из-за упущенной выгодной сделки и нажитой на пустом месте проблемы, грозящей непредвиденными и серьезными осложнениями, – все это сменилось у Дамира лихорадочным весельем, неестественным и красноречиво свидетельствующим о том, что он натянута, как струна.

Аня, которой стоило большого труда успокоиться, взглянула на босса из-под ресниц и, цокая тринадцатисантиметровыми каблучками, грациозно двигая бедрами – половина мужчин в зале оторвали свои физиономии от столов, лиц собутыльников или собутыльниц или же вовсе от тарелок с салатом, – направилась к выходу.

Туда, где нужно было «проверить» буянившего раздолбая, заподозренного в причастности к убийству зятя банкира.

ГЛАВА 3

ОТЕЦ НИКИФОР

– Да вы че, пацаны... мне, типа, надо в два нуля-нуль быть на Курской площади как штык... подъехать тама надо. Да вы че, в натуре? Да вы знаете, кто я... ик! кто я т-такой?

– Знаю, знаю, – лениво говорил рослый секьюрити в черном костюме и с бэйджем «ЛЕОНИД. Служба безопасности» и отталкивал шатающегося клиента. – Ну перебрал ты, мужик. Веди себя прилично. Иди в зал. Там сейчас шоу начнется с девчонками.

– Странно, – пьяно удивлялся клиент, плотный и низенький бородатый мужичонка в черной рубашке и узких голубых джинсах, к которым был прицеплен сотовый телефон. – Помню, я тут как-то раз нажрался с одним моим коллегой, так нас с ним в шею. Да еще морду набили... мы. Мой коллега... ик! он раньше служил в... в-вы... спецназе ГРУ. Он одному вашему руку сломал, а второму – стол, за которым тот, второй, сидел. Здорррровый был паря, этот мой... приятель! Два метра, а в плечах – еще м-метр. Косой... метр... как это говорится: в плечах косяя... косой...

– Сам ты косой! – сказал Леонид из службы безопасности. – Иди, иди в зал.

Тот попытался было обогнуть охранника, но снова уперся в его широченный корпус и запрыгал, смешно переваливаясь на коротких толстых ножках, обтянутых джинсами. Его взгляд натолкнулся на бэйдж, и бородатый медленно прочитал:

– «Ле-о-нид». Леонид! Так ты че, Леня, что ли?

– Леня, – невозмутимо подтвердил секьюрити.

– И я Леня! Давай дружить... Ленями! – бухнул бородатый и попытался было обнять огромное тело бодигарда, но тот легонько оттолкнул назойливого посетителя ночного клуба, и бородатый колобок отлетел к стене, едва устояв на ногах, крутившихся, как на шарнире, под толстой выпирающей задницей.

– Ты уже три раза говорил, что ты Леня, – невозмутимо произнес второй охранник, на бэйдже которого было написано: НИКОЛАЙ.

А вот теперь бойцовый клиент разозлился по-настоящему. Надулся, как та жаба, которая хотела перерастаи вола, да в результате и лопнула от натуги. Круглое добродушное лицо, и без того багровое от неумеренного употребления алкогольных напитков и врожденного полнокровия, стало и вовсе бордовым.

И неизвестно, что за батальная сцена произошла бы дальше, не появившись в этот момент Аня.

Она окинула взглядом наличествующих мужчин и, убедившись, что бородатый колобок и есть искомый раздолбай, жаждущий избавиться от своего общества посетителей «Аттилы», подплыла к нему и спросила:

– Простите, вы Леонид?

Услышав у самого своего уха мелодичный женский голос с вкрадчивыми бархатными интонациями, толстяк медленно повернулся – так, как поворачиваются грузные люди с бычьей шеей, то есть всем телом.

Узрев возле самого своего плеча высокую стройную девушку лет двадцати двух—двадцати трех, затянутую в весьма откровенное платье и оснащенную прелестными длинными ножками, буян Леня расплылся в широченной пьяной улыбке, которая сразу навела Аню на мысль, что никакого отношения к убийству Кислого этот смешной толстый человечек не имеет, да и вообще отроду ничего опаснее бутылки – какой уж тут пистолет! – в руках не держал.

Но Дамир так распорядился. Ему виднее, что делать. Ведь он ясно дал ей понять, каким именно органом, по его мнению, мыслят женщины.

– Я – Леонид? – переспросил толстяк. – А, ну да, я – Леонид. Для вас – Ленья. Рррразрешите угостить вас шапан... марти... вод... вот.

И, не дожидаясь ответа, подхватил Аню под руку и потащил в зал.

Усевшись за столик и стараясь говорить что-то впопад непрерывно трещавшему Лене, Аня поймала на себе пристальный взгляд Дамира. Он увидел, что она смотрит на него, и кивнул: продолжай.

– Я тут часто бываю, – распространялся Леонид. – Вввас как зовут? Аля? Юля? А, ну да... Аня. Так вот, Анечка, я что-то тут тебя раньше не видел. Бывал я тут... бывал. И этим, которые у дверей, на чай давал частенько. А они у вас какие-то небля... е-бля... ебла... н-н-н... неблаго-дарные! – наконец-то удосужился выговорить Ленья. – А как вы относитесь к Конституции Анголы? Никак, да? Ну тогда, это самое, послание святого апостола Павла к коринфянам. Не читала? Нет? И прррравильно! Я его кажнн... каждый раз когда с амвона... вона... вон аннно што!

Словесный понос толстячка был перекрыт, как некая украинская река – ДнепроГЭСом, приходом официанта, который принес заказ Леонида.

Немедленно после того, как была распита первая порция заказанного напитка – толстяк не распробовал, какого именно, а Ане было все равно, – он повел сбивчивый и перескакивающий с пятого на десятое рассказ дальше:

– Был у меня один коллега... Он у вас тут часто бывал. Афоня Фокин... он года полтора назад уволился из Воздвиженского собора, попом там был, как я вот сейчас – на его месте. А я тогда дьяконом был.

– Так ты что, священник? – произнесла Аня, и на ее лице появилась бледная улыбка. – А мобильник, это что – прямая связь с господом?

– А то! – торжествующе ухмыльнулся тот. – В храме я зовусь отец Никифор, а в миру м-м-м... в общем, так я Ленья Никифоров. По паспорту. Хотя бьют-то не по паспорту, а ниже пейджера. Баба с возу – потехе час... не, не туда я что-то. Про что я говорил, а... Катенька?

– Про Фокина какого-то, – отозвалась Аня.

– Ну конечно! – обрадовался отец Никифор. – Про него, родимого. Так вот, как-то раз мы с ним, это самое, пришли сюда. Ну, выпили немного. А потом, значит, халдеям местным почему-то не понравилось, что Афоня выворотил с корнем этот... шест, вокруг которого девчонки крутятся. Ба-а-гатырской силы был мужик! А этим вашим не понравилось. Ну, нас отсюда попросили, мы, естественно... ик!.. ни в какую. – Чудо-священничек закатил глаза к потолку, вероятно, призывая господу и всех ангелов его, что так оно и было и что нельзя препятствовать святым отцам на мирской их стезе. – А п-потом вызвали этих... архангелов из вне... вневедомственной охраны. Ну и повязали, м-муссса-а-ара: дескать, дорогие служители культа, п-переусердствовали вы в плане культурного отдыха.

Аня, которой в этот вечер было определено не до легкомысленных рассказов про пьяные выходки святых отцов, улыбнулась: от этого человека, несмотря на то что он был определенно пьян, веяло чем-то легким, светлым. Своим бормотанием, которое было смешно пересыпано иканием, он словно снимал чудовищное напряжение, скручивающее ее в клубок издерганных нервов. Да, бывают такие... вот такие люди.

Хотя в эту минуту Аня была куда как далека от того, чтобы предположить: среди мужчин попадаются и хорошие люди.

По крайней мере – лучше Дамира.

А отец Никифор продолжал болтать, подливая ей... ну да, конечно, это текила:

– А п-потом нас передали деятелям ППС, то бишь патрульно-постовой службы. Меня просто так посадили в этот... «уазик», а на Афонию... на Афонию наручники надели. Так и записано в про-то-коле: в-в-в... ввиду особо значительных размеров задержанного надеть на него н-наручники.

– И что? – спросила Аня, чокаясь с ним.

– Как – что? – передернул круглыми плечами служитель церкви. – И повезли в в-вытрезвитель. А потом Афоня немножко протрезвел, очухался, разорвал эту цепочку к черрртовой матери, прости меня, господи, грешного... а п-потом выломал дверь машины и перевернул этот «уазик» набок вместе с ментами. Меня выволок... ик!.. и свалили мы. «И исшед ввон, плакося горько». А доблестные блюстителы порядка сидели и не пикнули, пока мы с Афоней все столбы не обстукали в ближайшем квартале. И з-за угол не завернули. Там как раз кабак был... в розлив в котором, значит, продают...

Он выпил еще, а потом добавил:

– Мне тогда еще нос разбили. Но ничего, даже спасибо, что немного кровь спустили. У меня же это... полно... полно-кровие. Пиявки ставлю. Дьячок их в исповедальне держит и мне ставит. Такая мерррррзость... дьячок в смысле... а куда деваться?

Он так произнес это «а куда деваться?», что Аня засмеялась почти против воли: все ее существо кричало о том, что нельзя, нельзя ей смеяться, пока она не распутает петлю, затягивающуюся на ее горле, но... ей просто стало невыносимо смешно.

– Вот что, – Леня покрутился, словно видел главный зал «Аттилы» в первый раз. – Это самое, не нравится тут мне. У нас в ризницкой и то лучше жабать. Душевнее. Там икона Николая Угодника так смотрит... отчески... что никакой закуски не надо. А тут этот христопродавец на входе... Леонид. Какой он Леонид?! – Толстяк подскочил на стуле, как будто ему в задницу впились особо жирная и жадная пиявка из числа тех, что ставил ему в исповедальне мерзкий дьячок. – Афоня бы ему пробил в контрабас... с полным отпущением грехов и... патологоанатомическим освидетельствованием... уф-ф-ф! – Леня отдышался после чудовищного словосочетания «патологоанатомическое освидетельствование», произнесенного на глубоком судорожном вдохе, и, глубокомысленно закрыв левый глаз, сказал решительно:

– Нравись ты мне, Оля... Коля... Аня. Поедем отсюда, душно тут. А?

– Куда? Зачем? – протянула Аня. – Разве тебе тут плохо?

– Да, – словно высказывая что-то давно решенное, брякнул отец Никифор. – Я уже хотел уйти, да вот не пускают. Не нравится... не нравится мне. Ты здесь работаешь? А хочешь, я тебя... отпрошу?

– Мы же не в детском саду, чтобы отпрашивать, – возразила Аня, а потом, решив перейти на бархатный призывный тон опытной куртизанки, наклонилась к уху толстячка и медленно проговорила:

– Разве я тебе не нравлюсь, Ленечка?

Эффект был неожиданным: странный мужичонка отскочил от нее, как если бы увидел в углу своей ризницкой клубящегося зелененького чертика с возмутительным плакатом «Долой антиалкогольную кампанию!» Потом посмотрел на Аню сначала левым, потом правым глазом и сказал с максимальной серьезностью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.